

женщину, с рассмотрения статуса которой началось данное исследование. Что же можно сказать об этой женщине, которую готовы были захватить в качестве залога и подвергнуть допросу под пыткой, о которой так часто упоминается в речи, но, однако, ни разу не называют при этом рабыней, а Теофема — ее господином? Рабыней ли она вошла в его дом или свободной? Ее положение в этом доме теперь, очевидно, во многом существенном было рабским. Но такое положение могло сложиться не обычным, юридически, признанным путем, а просто в результате утверждения женщины в афинском ойкосе, с главой которого она не имела никаких тех связей законного родства или брака, которые женщинам придавали — косвенно, но ясно, подобно тому, как солнце освещает луну, — гражданский статус (*ἄστυ*) — и без которых даже ее свободный статус (*ἐλευθέρα*) должен был терять ясность очертаний. Итак, на заданный выше вопрос придется ответить уклончиво, употребляя слово самого выступающего в этой речи: Теофем, во всяком случае, был ее *κύριος*.

Несомненную же *παλλακή* в городской квартире Филонея приходится оставить в неопределяемом *de jure* положении. Она, как мне кажется, могла прийти к Филонею из любой социальной группы, которые перечислены на стр. 39. Но раз она утвердилась в его доме в качестве *παλλακή*, Филоней стал по отношению к ней во всем существенном полновластным распорядителем, хотя в речи «Против мачехи» он не назван ни ее *δασπότης*, ни ее *κύριος* и, может быть, формально говоря, не был ни тем, ни другим.

CONCUBINES IN CLASSICAL ATHENS

by E. Grace (Kazakevich)

Ransoming a favourite hetaera from slavery was evidently a not uncommon extravagance among well-off Athenian young men (Antiphan., frg. 239 K; Dem. XXXVI, 45; XLVIII, 53), and this was one source of concubinage (Aristoph., Vesp. 1353 and indirectly, Dem. LIX, 118). A man might choose a concubine (*παλλακή*) from among his own slaves (Men., frg. 453 Körte; cf. frgs. 371, 58). A citizen might even bestow a female relative in concubinage (Isae. III, 39). Thus a woman defined as a *pallakē* might have come to that condition from any of the status groups which marked off the population of Athens. The institution appears to have been characterised by a protected domesticity and anonymity which discouraged both the good-humoured and the malevolent sorts of gossip attaching to hetaerae; but this also makes the modern investigator's task a particularly difficult one. That H. J. Wolff (and others before him, e. g. Wyse) is wrong in supposing that the *pallakē* was merely a variety of hetaera is indicated plainly enough by one of the sources cited by Wolff to prove his theory (Dem. LIX, 118; cf. 122), while the other two sources give no support to his view (Athen. XIII, 592d, Isae. III, 39). The fullest picture we have of a *pallakē*'s life (Antiph. I, 14—20) reveals certain conjugal features in this relationship, but, in contrast to a legal wife's position, the concubine's absolute dependence on the *de facto* kurial authority of her partner made her position, by contemporary standards, virtually a servile one. The actual legal status of Philoneos's concubine cannot be determined with any certainty; the grounds hitherto advanced for defining her as a slave prove insufficient on analysis. It is doubtful whether her *de jure* condition upon entering the *pallakia* — free or slave, foreigner or even citizen's daughter — retained practical significance once her actual condition had been socially defined by the closed circuit of the concubinary relationship. There is no direct evidence on the status assigned to children born of a concubinary union in the classical period. Draconian legislation cited by fourth century orators (Dem. XXIII, 53, 55; Lys. I, 30 f.) suggests that in archaic Attica the concubinary union might fulfil one function which was later reserved exclusively to legal marriage: the begetting of legitimate children. Various considerations incline the author to the opinion that in the classical period children born to a citizen and his *pallake* were classed as *ἐλευθέροι*, whether their mother had entered the *pallakia* with free or slave status.

Г. А. Кошеленко
НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
РАННЕЙ ПАРФИИ*

ПРОБЛЕМЕ возникновения парфянского государства уже посвящена весьма значительная литература, однако ее все еще нельзя считать решенной. Дискуссионными остаются не только многие важнейшие стороны этой проблемы (характер отпадения от Селевкидов — насильственный или мирный, роль греков в нем, взаимоотношения с Бактрией, роль кочевников, характер раннепарфянского государства и т. д.), но даже дата отпадения Парфии от Селевкидов все еще не может считаться твердо установленной.

Однако до сих пор для решения всех этих вопросов недостаточно использовался нумизматический материал, хотя значение его нельзя недооценивать. Сейчас появилась возможность привлечь данные нумизматики: недавно Ж. Ле Риде¹, издавая парфянские монеты Суз, специально собрал и опубликовал входящие в самую раннюю парфянскую монетную серию монеты как из раскопок Суз, так и хранящиеся в различных западных музеях. К сожалению, в его работе остались неучтенными монеты этой серии из собрания Государственного Эрмитажа (опубликованные в свое время А. К. Марковым²) и из собраний ГМИИ и ГИМ. В результате картина, нарисованная Ле Риде, недостаточно точна. Изучая монеты этой интересной серии, хранящиеся в ГМИИ и ГИМ (см. Приложение), и имея в своем распоряжении издание Ле Риде, мы пришли к некоторым выводам, расходящимся с взглядами Ле Риде.

Данная статья не претендует на то, чтобы решать все проблемы изучения раннепарфянского государства. Задача ее гораздо более скромная: показать, что решение некоторых проблем возникновения и ранней истории государства Аршакидов можно искать, только сочетая данные нумизматики и сведения иных источников — путь, который в области парфянской истории до сих пор игнорировался. Исследования историков и нумизматов нередко велись без взаимной связи, в силу чего выводы, к которым они приходили, оказывались весьма далеки друг от друга.

При всей дискуссионности вопроса о раннепарфянском чекане, по-видимому, не вызывает сомнений, что самой ранней серией аршакидских

* Автор считает своим приятным долгом искренне поблагодарить сотрудников нумизматических отделов ГИМ и ГМИИ С. Я. Явину, Н. А. Фролову, К. В. Голенко и М. И. Камера за помощь в работе и разрешение опубликовать монеты из коллекций этих музеев.

¹ G. Le Rider, *Suse sous les Séleucides et les Parthes. Les trouvailles monétaires et l'histoire de la ville*, P., 1965.

² А. К. Марков, *Неизданные аршакидские монеты*, СПб., 1892.

монет следует считать серию с изображением на аверсе безбородой головы в высоком (кочевнического облика) мягком шлеме³.

В собраниях ГМИИ и ГИМ имеется несколько серебряных драхм, принадлежащих этой загадочной серии (см. Приложение). Как можно видеть на основании таблицы I, все, за исключением одной (№ 22 нашего списка, о которой ниже), монеты, хранящиеся в ГМИИ и ГИМ, принадлежат к одной группе, отличительная особенность которой — легенда на реверсе, читаемая ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ. Отметим, что в эту же серию с изображением безбородой головы в мягком шлеме на аверсе входят также драхмы и с иными легендами; так что если мы используем систематику В. Роса, расположившего все эти монеты (за исключением последней) по степени усложненности легенды, то получим следующий ряд⁴:

1. ΑΡΣΑΚΟΥ
2. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ
3. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ
4. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ
5. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡ[ΟΣ]
6. ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ

С этой серией серебряных монет связаны и некоторые медные монеты, ибо хотя тип реверса у них иной, но аверсный тип остается тем же самым. Нам представляется вполне правомерным полагать, что они одновременны с данной серией, поскольку вообще в медном аршакидском чекане (сравнительно с серебряным) тип реверса гораздо менее каноничен и, кроме того, как мы видели, в самом серебряном чекане этой серии типы реверса довольно сильно разнятся между собой благодаря различиям в легенде; неизменен лишь тип аверса. Таким образом, наиболее характерен для этой серии тип аверса, как более стабильный, и поэтому мы считаем возможным связывать с рассматриваемой серией и медные монеты, опубликованные А. К. Марковым⁵: 1) трилептон с изображением головы царя влево в обычном остроконечном шлеме на аверсе и слоном, идущим вправо, на реверсе с легендой ΑΡ. Κ.Υ; 2) дилептон с изображением подобной же головы на аверсе и лошадью, идущей вправо, на реверсе, легенда стерта.

Итак, к этой древнейшей аршакидской серии принадлежит как довольно обильный серебряный, так и немногочисленный медный чекан.

Как мы уже отмечали, все согласны в том, что данные монеты — древнейшие в парфянском чекане, однако нет никакого согласия ни в том, к каким царям какие именно выпуски относятся, ни в том, когда впервые парфяне стали чеканить монету. Таким образом, вопрос о датировке этой серии оказывается в некотором роде ключевым, ибо от решения его зависит и вообще проблема начала парфянского чекана.

В. Рос в своем каталоге парфянских монет Британского музея считал возможным распределять эти монеты в соответствии с легендой. Он относил монеты с легендой 'Αρσάκου и βασιλέως 'Αρσάκου к царствованию Тиридата и Аршака II, к Фриапатию и Фраату I — монеты с легендой βασιλέως μεγάλου 'Αρσάκου, он считал возможным отнести к чекану Фриапатия также экземпляры с легендой βασιλέως θεοῦ 'Αρσάκου. С некоторым сомнением он относил к чекану Фраата I и монету с легендой βασιλέως μεγάλου 'Αρσάκου θεοπάτορος. Монету же с легендой 'Αρσάκου αὐτοκράτορος

³ W. Wroth, British Museum. Catalogue of the Coins of Parthia, L., 1903, стр. XXVIII сл.; J. de Morgan, Manuel de numismatique Orientale, I, P., 1923—1936, стр. 125 сл.; Le Rider, ук. соч., стр. 316.

⁴ Wroth, Catalogue, стр. XVIII.

⁵ Марков, ук. соч., стр. 5, табл. III, 2, 3.

он относил (также не без сомнений) к выпускам Митридата I ⁶. Этот вывод был поддержан и развит Э. Бикерманом ⁷, который полагал, что Тиридат I в первые годы после завоевания Парфии еще не принял царского титула. Именно к этому времени (по Бикерману от 238 до 231 г.) относятся монеты с легендой 'Αρσάκου, и только после безуспешной экспедиции Селевка II Тиридат принимает официально царский титул, в результате чего на его монетах появляется легенда βασιλεύς 'Αρσάκου. С этим мнением согласился и Э. Ньюэлл ⁸. Он отмечал (хотя и без полной уверенности в своих выводах) сходство между группой монет, чеканенных при Селевке II в Гекатомпиле, и первой группой аршакидских монет. Это сходство, полагал Э. Ньюэлл, наиболее естественно объяснить тем, что после захвата парнами Парфии и возникновения парфянского государства столица Парфии Гекатомпил стала столицей этого нового государства, и в таком случае некоторое сходство в технике и стиле между последними селевкидскими монетами, чеканенными на местном монетном дворе, и первыми аршакидскими вполне естественно. Вывод был поддержан В. Тарном в его рецензии на книгу Э. Ньюэлла ⁹. Из русских нумизматов точку зрения о принадлежности этой серии к чекану первых Аршакидов поддерживал А. К. Марков, относивший упоминавшиеся нами медные монеты Эрмитажа к чекану Тиридата. Итак, большая группа очень авторитетных нумизматов относит эту группу монет к чекану самых первых парфянских царей, хотя их атрибуции и различаются в деталях.

Другие нумизматы не менее решительно относят эту группу монет к более позднему времени, тем самым полагая, что парфянские цари вообще начали чеканить монету позже, нежели это предполагалось нумизматами, датировавшими рассматриваемую группу второй половиной III — началом II в. до н. э. Впервые высказал это мнение тот же самый В. Рос ¹⁰. Он пришел к выводу, что драхмы с легендой βασιλέως μεγάλου 'Αρσάκου относятся к царствованию Митридата I, а монеты с легендой 'Αρσάκου и βασιλέως 'Αρσάκου — к царствованию Фриапата и Фраата I, полагая, таким образом, что Тиридат и Аршак II не чеканили монеты. К этим датировкам близки и даты, предлагаемые М. Дайе ¹¹. Наконец, наиболее решительному пересмотру датировка интересующих нас монет подверглась в работах Ж. де Моргана, считавшего, что они относятся ко времени начиная с царствования Митридата I и что они выпускались параллельно с обычными аршакидскими монетами, но не царями, а были émission sacerdotale ¹². Это мнение воспринял М. Е. Массон ¹³. В последнее время Ле Риде очень обстоятельно рассмотрел все упомянутые точки зрения и также в целом присоединился к мнению Моргана о датировке, уточнив ее и отбросив предположение о не царском характере чеканки этих монет ¹⁴. Согласно Ле Риде, монеты с легендой βασιλέως μεγάλου 'Αρσάκου — это монеты Фраата II (139/8 — 128 гг. до н. э.), к чекану Митридата I и Фраата II относятся монеты с легендой βασιλέως μεγάλου 'Αρσάκου, монеты βασιλέως 'Αρσάκου и 'Αρσάκου — к царствованию

⁶ W r o t h, Catalogue, стр. XXIX—XXX.

⁶ W r o t h, Catalogue, cрp. XXIX—XXX.
⁷ E. B i k e r m a n, Notes on Seleucid and Parthian Chronology, «Berytus», VIII, 1944, № 2, cрp. 82 сл. — Eastern Seleucid Mints, N. Y., 1938, cрp. 256.

⁸ E. T. Newell, *The C*

⁹ JHS, 59, 1939, стр. 322.

¹⁰ W. W r o t h, The Earliest Parthian Coins, «Num. Chr.», 1909, exp. 522.
 11 M. P. A r a c e i d e s à bonnet satrapale, «Revue numismatique»,

¹¹ М. Д а у е
1949, стр. 9—26.

¹² De Morgan, ук. соч., стр. 136 сл.

¹³ М. Е. М а с с о н, Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 г., «Материалы ЮТАКЭ», I, Ашхабад, 1949, стр. 138.

¹⁴ Le Rider, ук. соч., стр. 312 сл.

Митридата I (до 145 г. до н. э.). К этому же времени возможно отнести и монеты с легендой βασιλέως θεοῦ Ἀρσάκου, которые, по мнению Ле Рида, предшествуют монетам с легендой βασιλέως μεγάλου Ἀρσάκου. К концу царствования Митридата I он относит монету с легендой Ἀρσάκου αὐτοκράτορος.

Наконец, необходимо остановиться на взглядах Симонетты¹⁵, который соглашается с последним мнением В. Роса, хотя несколько по-иному располагает внутри этого периода отдельные типы монет. Симонетта выдвинул одно положение, которое, на наш взгляд, кажется весьма интересным. Относя самые первые выпуски парфянских монет либо к 210, либо к 191 г. до н. э., он полагал, что трудно допустить, чтобы аршакидское государство ждало бы больший срок, чтобы начать свою монетную эмиссию. Признавая полную справедливость этого положения, мы можем только отметить, что Симонетта непоследователен в своем выводе, поскольку тот же вопрос может быть поставлен и для более раннего времени. Действительно, трудно допустить, чтобы Парфянское царство начало чеканить собственную монету только спустя значительный срок после своего возникновения. Ведь выпуск собственной монеты — это провозглашение перед миром собственной независимости. Это тем более существенное соображение, что Аршакиды часто подчеркивали решающие моменты в своей истории выпуском памятных монет-медалей¹⁶. Допустимо было бы думать, что отсутствие собственной чеканки объясняется насыщенностью здешнего рынка какими-либо другими монетами восточноэллинистического чекана. У нас нет сведений о южной части Парфии, находящейся ныне на территории Ирана, но в северной части ее, согласно авторитетному мнению М. Е. Массона, греческие монеты чрезвычайно редки¹⁷. Вряд ли положение к югу от Копет-дага было иным. Таким образом, можно думать, что парфянское государство с самого возникновения нуждалось в автономном чекане монеты, и поэтому мы склонны присоединиться к тем ученым, которые полагали, что монетная серия с изображением безбородой головы относится к самому раннему периоду парфянской истории (первое мнение В. Роса, Э. Бикерман, Э. Ньюэлл, В. Тарн). Однако прежде чем перейти к развернутому обоснованию нашей точки зрения, необходимо более подробно рассмотреть взгляды противников этой концепции.

Прежде всего остановимся на взглядах Ж. де Моргана. Главным основанием для столь поздней датировки начала парфянской денежной эмиссии он считает то соображение, что первые парфянские цари были скорее могущественными вождями племен, нежели царями в собственном смысле этого слова, и что настоящими царями они стали только начиная с Митридата I. Трудно согласиться со столь своеобразной трактовкой раннепарфянской истории. Можно сослаться на мнения античных авторов, особенно Юстина, ценность которого как единственного автора, дающего общий очерк раннепарфянской истории, должна особенно возрасти сейчас, когда работами И. Вольского доказано, что иная, отличная от Юстина традиция (Фотий, Синкелл, Зосима), передающая эти события, является легендарной¹⁸.

¹⁵ A. Simonetta, A proposito di monete arsacidi con berretto satrapale, «Numismatica», 19, 1950, стр. 22—25; он же, Osservazioni intorno alle monete coniate dai primi re Parti, «Numismatica», 14, 1948, стр. 71—82.

¹⁶ М. Е. Массон, Находка на городище Старая Ниса датированной парфянской тетрадрахмы Митридата I, ВДИ, 1963, № 2, стр. 152 сл.

¹⁷ Массон, Неопубликованные монетные находки..., стр. 138.

¹⁸ J. Wolski, L'effondrement de la domination des Séleucides en Iran au IIIe siècle av. J. C., «Bulletin International de l'Académie polonaise des sciences et des lettres. Classe de philologie — classe d'histoire et philosophie», № supplémentaire 5, Cracovie, 1947, стр. 48 сл.; он же, Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides, в кн.: F. Altheim u. R. Stiehl, Die Araber in der Alten Welt, II, B., 1965, стр. 370—378.

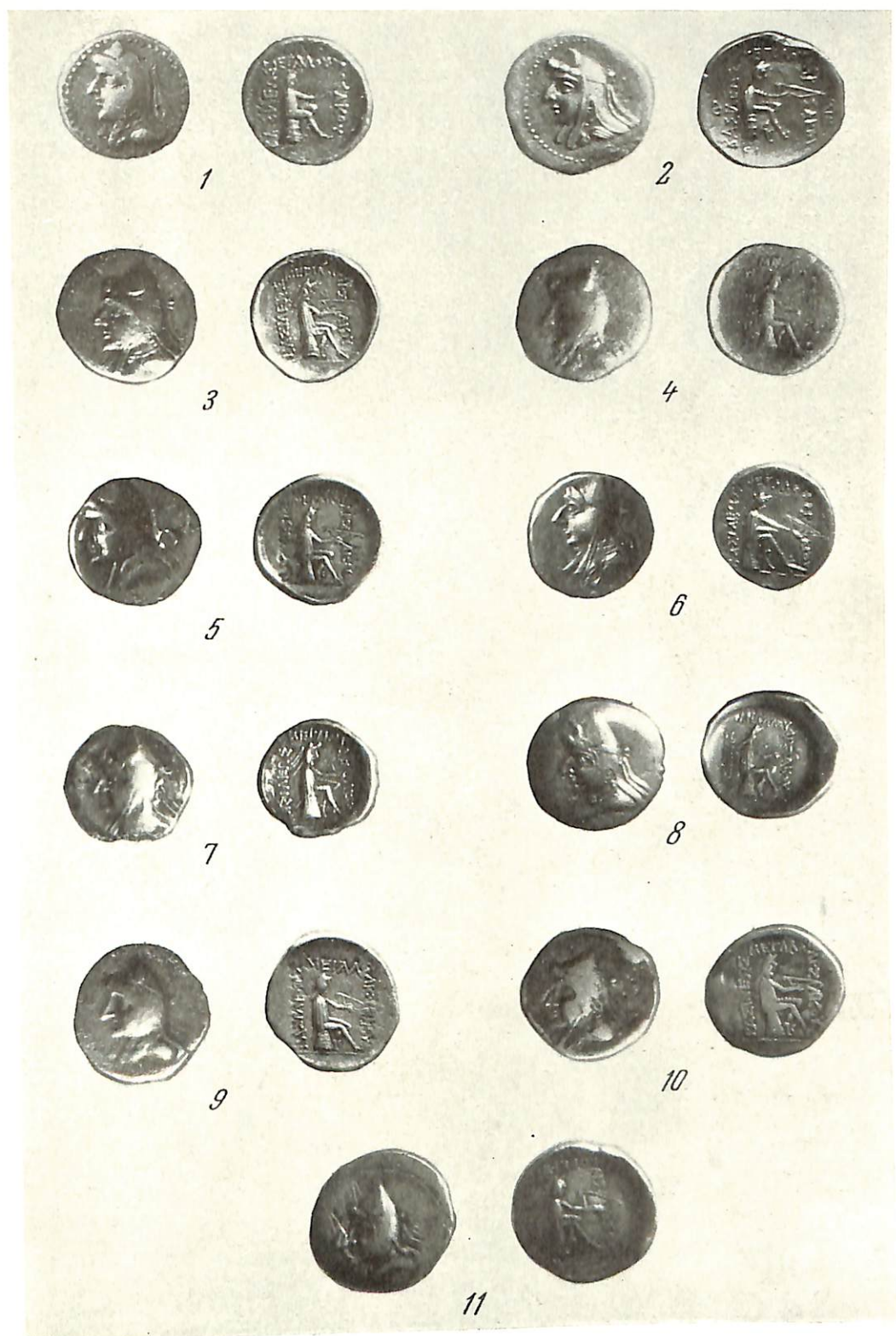

Рис. 1

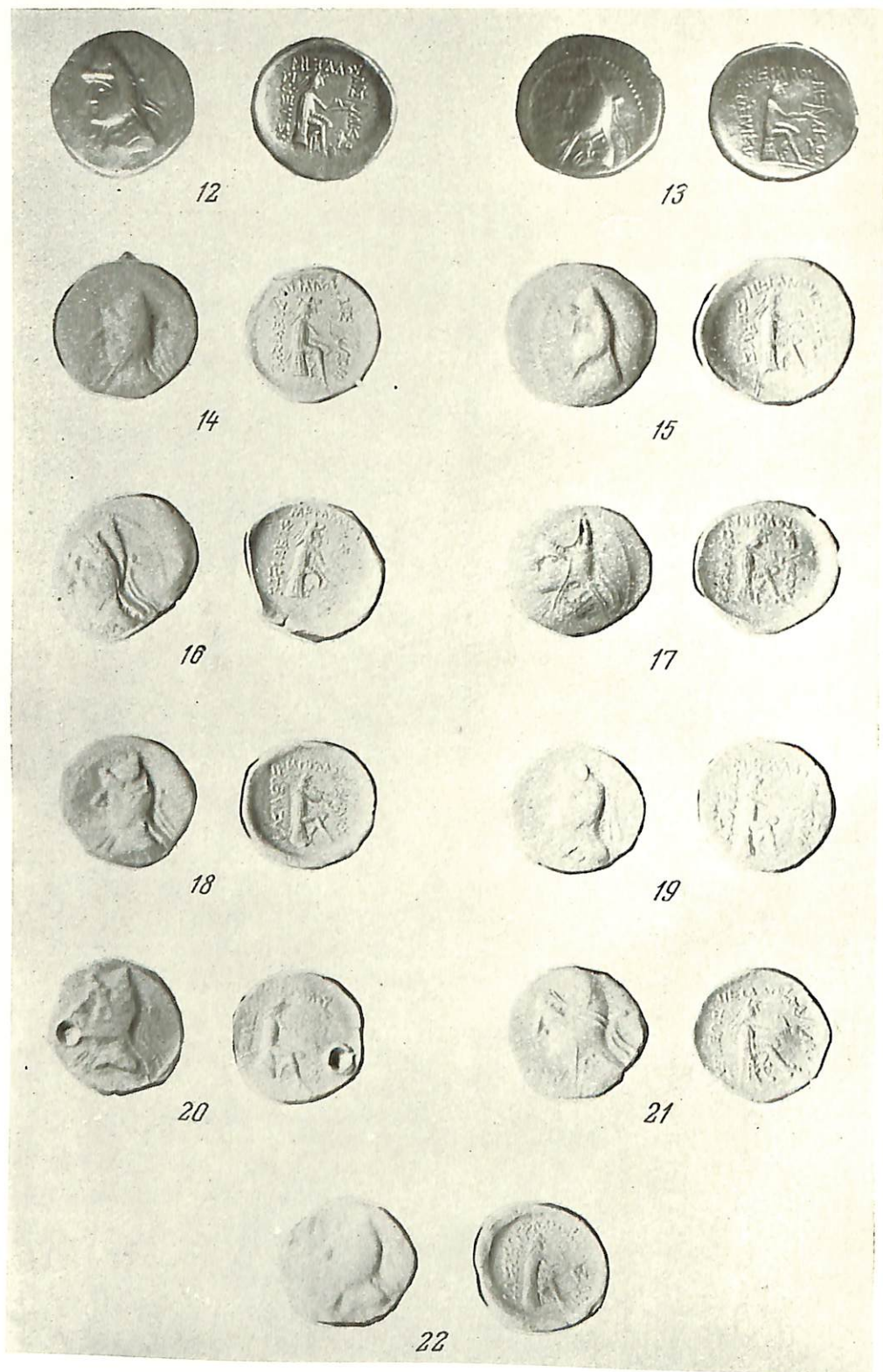

Рис. 2

Итак, Юстин (XLI, 2, 1) пишет: «После того как [парфяне] отпали от македонской державы, этим народом все время управляли цари (*Administratio gentis post defectionem Macedonici imperii sub regibus fuit*)». Об основателе парфянского государства он говорит, что Аршак добился царской власти и создал свое царство (*Sic Arsaces quaesito simul constitutoque regno* — XLI, 5, 5). Сына Аршака он называет также преемником его царства (*Huius filius et successor regni* — XLI, 5, 7). Показательно в этом отношении и свидетельство Полибия, упоминающего (при описании похода Антиоха III против парфян) царский дворец в гирканском городе Тимбраке и называющего его «царской резиденцией», ἐπὶ τῷ βαρβαρῶν, πόλιν ἀτείσχιστον, ἔχουσαν δὲ βασιλείαν — Polyb., X, 31, 5. Еще более определенно указание Исидора Харакского, прямо говорящего о том, что Аршак был провозглашен царем в городе Асаак (πόλις δὲ Ἀσάκ, ἐν ᾗ Ἀρσάκης πρῶτος βασιλεὺς ἀπεδείχθη — Mans. Parth. II). При поразительной скудости данных письменной традиции о ранних Аршакидах такое терминологическое единодушие не может оказаться случайным. Безусловно можно считать, что уже самый первый из парфянских царей — Аршак — принял титул βασιλεὺς. Мы уже не говорим о том, что вывод Ж. де Моргана строится на бытовавшей в части греко-римской литературы традиции, считавшей парфян и в более позднее время варварами. Эти оценки, принятые без критики некоторыми со временем авторами, были опровергнуты археологическими раскопками, временными авторами, были опровергнуты археологическими раскопками, показавшими высокую самобытную культуру Парфии. Еще более произвольно положение Ж. де Моргана о том, что интересующая нас монетная серия представляет собой не царский, а жреческий чекан. Оно настолько бездоказательно и настолько лишено оснований в реальной истории Парфии, что на нем останавливаться не приходится.

Более обоснованными кажутся построения Ж. Ле Рида. Он стремится постоянно подкреплять их техническим и стилистическим анализом, но принимает во внимание только эти соображения. Так, например, он отвергает соображение Симонетты о том, что Парфянское царство не могло долго обходиться без собственного чекана на том основании, что оно не подкрепляется никакими соображениями стилистического или технического порядка. Однако ведущая идея его анализа в этой области очень близка к взглядам критикуемого им Ж. де Моргана и отчасти Роса и определяется следующим соображением: какое-либо новое явление в монетном чекане Парфии может появиться только после того, как оно появилось в селевкидском или греко-бактрийском чекане. Как заимствованное оттуда, оно в парфянском чекане может быть датировано лишь более поздним временем, нежели в чекане этих стран.

Именно этим соображением обосновываются поздние датировки монет рассматриваемой серии. Таким образом, согласно Росу и Ж. де Моргану, некоторым следует Ж. Ле Рида, титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ впервые появляется на монетах Греко-Бактрии при Евкратиде (190—160 гг. до н. э.), а в царстве Селевкидов — на монетах Тимарха (162 г. до н. э.). Следовательно, подобные легенды вряд ли могут появиться на парфянских монетах ранее этого времени¹⁹. Тот же ход рассуждений применяется для анализа и других легенд на раннепарфянских монетах²⁰.

Вообще, согласно мнению упомянутых ученых, парфянский чекан — это сколок с чекана селевкидских и греко-бактрийских правителей. Но можно ли так безусловно следовать за этим умозаключением?

¹⁹ W r o t h, Catalogue, стр. XXIX; De M o r g a n, ук. соч., стр. 129.

²⁰ Так, титул θεός, по мнению этих исследователей, — никак не раньше того времени, когда в Греко-Бактрии правили Агафокл и Антимак, а в царстве Селевкидов — Антиох IV Эпифан; θεοπάτωρ — не ранее царствования Александра Баласа и т. д.

Нам представляется, что подобный подход отнюдь не бесспорен. Мы, конечно, не склонны утверждать, что на облик парфянских монет, особенно в их ранний период, не влияли селевкидские выпуски. Но говорить о каком-то рабском копировании нельзя, зависимость здесь была гораздо более сложной. Возьмем, к примеру, наиболее общий тип реверса парфянских монет — Аршак, сидящий на омфале или троне (вправо) с вытянутой правой рукой, в которой он держит лук. Вряд ли можно сомневаться, что прообразом для этого типа послужил сидящий Аполлон на монетах селевкидских царей (Антиоха I, Антиоха II, Антиоха Гиеракса, Антиоха III) ²¹. Но какое изменение претерпел этот образ! На селевкидских монетах Аполлон обращен влево, лук находится на земле рядом с омфалом, на парфянских — Аршак обращен вправо, лук у него в руке; Аполлон обнажен, Аршак в типичной одежде кочевника. Но самое главное отличие — в смысле изображаемого персонажа: у Селевкидов — бог-покровитель династии, у Аршакидов — обожествленный основатель династии. Итак при несомненности факта заимствования первообраза, он очень сильно переосмысливается, перерабатывается. Можно найти и примеры полной независимости тех или иных элементов в монетном чекане Аршакидов от Селевкидов. Сошлемся, к примеру, на тот факт, что на парфянских монетах начиная с Митридата I в составе легенды регулярно появляется термин ΦΙΛΕΛΛΗΝΟΣ, совершенно неизвестный в практике Селевкидов ²².

Далее, нельзя забывать и следующее обстоятельство: если следовать логике этих авторов, то и греко-бактрийское монетное дело должно было в основном следовать традициям Селевкидов. Однако если это утверждение в общей своей форме и верно, то все же много частных не укладывается в эту схему. Например, как мы уже отмечали выше, легенды, а следовательно, и титулы царей, такие, как ΘΕΟΥ, на монетах греко-бактрийских царей появляются раньше, чем у Селевкидов ²³. Кроме того, термин Μῆγας, неизвестный в селевкидском чекане, широко представлен на монетах греко-бактрийских царей. Следовательно, развитие Греко-Бактрии после ее отпадения от царства Селевкидов шло несколько иным путем, чем в Сирийском царстве. Но почему нельзя допустить подобного же явления и для Парфии, условия социального развития которой еще дальше отошли от селевкидского прообраза, тем более, что к власти здесь пришла не греческая, а местная ираноязычная династия, и для нее, видимо, ахеменидские традиции были ближе, нежели греческие ²⁴.

²¹ См. E. Babelon, *Les rois de Syrie, d'Arménie et de Commagène*, P., 1890, табл. IV, 8—10, 16—19; V, 19; VI, 2, 4, 11, 12; VIII, 2 и т. д.

²² Wroth, *Catalogue*, стр. 275.

²³ См. A. K. Narain, *The Indo-Greek*, Oxf., 1962, стр. 49.

²⁴ Для примера сошлемся на формирование легенды об их происхождении от одного из ахеменидских царей. См. N. C. Debevoise, *A Political History of Parthia*, Chicago, 1938, стр. 10; W. Tarn, *Queen Ptolemais and Arsama*, «*Class. Quart.*», XXIII, 1929, стр. 138—140. Точно так же и эпические сказания о захвате власти Аршаком (в той форме, как они сохранились у Арриана и Синкелла) явно носят следы переработки с целью придания им сходства с событиями эпохи борьбы Дария I за власть (семь инициаторов переворота и т. д.). Кроме того, надо иметь в виду, что в Азии гораздо ярче проявлялась любовь к пышным царским титулам, нежели это было у греков. Хороший пример этому дает монетная чеканка Антиоха I. На западе своих владений он никогда не имел эпитета Никатор. Этот эпитет не встречается ни в письменных источниках, ни в надписях, ни на монетах. Только одна монета, найденная в Сузах, имеет легенду (Β)ΑΣΙ. 'Αντιόχ. Νικάτ. Точно так же коммеморативные монеты бактрийского царя Агафокла имеют изображение головы Антиоха I с той же самой легендой 'Αντιόχου Νικάτορος. Это подтверждает, что сын Селевка I только здесь, в глубинах Азии, имел титул Никатор, как и его отец. См. E. Bickermann, *Institutions des Séleucides*, P., 1938, стр. 242.

Наконец, в этих построениях совершенно не учитывается тот факт, что Тимарх, который был селевкидским сатрапом Мидии, восстав, начинает чеканить монеты, в состав легенды которых входит термин *Μέγας* — «Великий»²⁵. Если этот восставший сатрап совершенно не следует селевкидским традициям, то почему же им должны были обязательно следовать цари Парфии?

Весьма своеобразные взгляды развивает М. Дайе в статье, поражающей прежде всего своим введением, основываясь на принципах которого автор начинает трактовать и вопросы раннепарфянской нумизматики²⁶. Для него в парфянской культуре нет ничего художественно ценного, что было бы создано самими парфянами. Вся она — только отражение света греческой культуры. Это проявляется и в нумизматике — ведь заимствовать легче, чем создавать. Создается впечатление, что мимо автора прошли все открытия последних 40 лет, показавшие истинное значение и роль вклада парфян в развитие культуры Ближнего Востока. М. Дайе, как и Ж. де Морган, полагает, что появление тех или иных царских титулов на парфянских монетах может быть только результатом заимствования у греко-бактрийцев или Селевкидов.

Но свои решающие выводы он делает на основании изображения головного убора персонажа на аверсе монет рассматриваемой серии. Он развивает дальше взгляды Ж. де Моргана, считавшего, что этот головной убор нескифского происхождения являет собой своеобразную комбинацию из шапки, характерной в мире ираноязычных народов (со времен Ахеменидов) для сатрапов, и греческой диадемы. Подобная комбинация, по его мнению, в раннепарфянское время была знаком достоинства членов аршакидского дома, которых назначали сатрапами в отдельные большие провинции государства (например Мидию), а поскольку они назначались в юном возрасте, то и не имели бороды. Взяв в качестве основы таблицу Ж. де Моргана²⁷, М. Дайе дополнил ее²⁸ изображениями известных головных уборов сатрапов от 450 до 150 гг. до н. э. Но при анализе этого головного убора он упускает из виду, что этот головной убор к рассматриваемому нами времени имеет тенденцию становиться все более плоским, к тому же с развитием моды верхняя часть его загибается назад. Ничего подобного мы не видим на головных уборах, изображенных на монетах нашей серии. Кроме того, всякому непредубежденному зрителю заметно также и то, что сатрапские головные уборы — более сложные, изощренные, если так можно сказать. Головные уборы на раннепарфянских монетах резко отличаются от них своей простотой.

В качестве одного из важнейших аргументов Дайе использовал монеты Персиды III—I вв. до н. э. Однако он совершенно не обратил внимания на следующее обстоятельство: в Персиде в эпоху селевкидского господства на следующее короткое время был сатрап, но это был грек, и ему подчинялись мелкие местные правители. В частности, правители Стахра чеканили монеты (на которые и ссылается М. Дайе), но на них ясно обозначен их титул²⁹. Для первой серии этих монет характерен титул *φρατα* — хранитель огня³⁰, а для второй — *шах-царь*. Это подтверждается и письменными источниками. В частности, Страбон писал, что Персидой правят цари, подчиненные парфянским царям (Strabo, XV, 3, 24). Очевидно,

²⁵ Le Rider, ук. соч., стр. 317.

²⁶ Dayet, ук. соч., стр. 9 сл.

²⁷ De Morgan, ук. соч., рис. 137.

²⁸ Dayet, ук. соч., рис. на стр. 15.

²⁹ Allotte de la Fuye, Etudes sur la numismatique de la Perside, «Journal asiatique», 1906, стр. 577 сл.

³⁰ E. Herzfeld, Archaeological History of Iran, L., 1935, стр. 47.

что правители Персиды этого времени отнюдь не были сатрапами, и привлекать их монеты в этой связи нет никаких оснований.

Если же мы возьмемся искать настоящую аналогию этим головным уборам, то найти ее будет легко, но совсем не здесь. Достаточно вспомнить описание сакского головного убора, данное Геродотом: «Саки имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо» (Нер., VII, 64). В то же время античная традиция очень постоянна в своем утверждении, что Аршакиды происходят от скифов, т. е. кочевников среднеазиатских степей, называвшихся иногда скифами, иногда саками (Curt., VI, 2, 14; Just., XLI, 1, 1; Strabo, XI, 9, 2). Все это заставляет думать, что головной убор первых Аршакидов был кочевническим, затем широко распространившимся и у оседлых племен Средней Азии. Этот головной убор мы можем видеть на персепольских рельефах в изображениях пленных савков, аналогичная шапка и у колесничего на известной модели из Аму-Дарьинского клада. Эти головные уборы почти совершенно идентичны головным уборам скифов, например на куль-обской вазе, что подтверждает слова Геродота о сходстве одежды и образа жизни скифов и среднеазиатских кочевников (Нер., I, 214). В исторически более близкое эпохе возникновения парфянского государства время мы видим подобные головные уборы на многих терракотовых статуэтках, найденных в различных районах Маргианы³¹ и Согдианы³². В Хорезме такой же головной убор на рельефе керамической фляги, изображающем всадника³³, и на скульптурной голове с городища Гяур-кала³⁴. Но наиболее показательны, с нашей точки зрения, данные, полученные при изучении парфянской глиптики. Среди оттисков парфянских печатей, найденных в Нисе, имеются два, которые авторы публикации считают древнейшими, восходящими к эпохе, когда складывалось парфянское государство. На них изображены персонажи в тех же самых высоких кочевнического облика головных уборах³⁵.

Все эти аналогии очень показательны, особенно если вспомнить сообщение Страбона о том, что обычаи парфян во многом варварские и скифские (Strabo, XI, 9, 2). Таким образом, можно считать головной убор персонажей, изображенных на аверсе монет рассматриваемой серии, кочевнической шапкой, напоминающей башлык, и поэтому выводы М. Дайе, основанные на изучении этого головного убора, не могут иметь серьезного значения³⁶.

Наконец, необходимо остановиться еще на одном пункте, достаточно важном для нашего построения, — проблеме чеканки города Гекатомпила эпохи Селевка II и ее связи с чеканом первых парфянских царей.

На сходство монет, чеканенных, вероятно, в Гекатомпиле при Селевке II, с первой серией аршакидских монет с типом «безбородой головы» обратил внимание Ньюэлл³⁷. Он полагал, что это сходство хорошо объяснялось бы в том случае, если бы эти серии чеканились одна вслед за другой на одном и том же монетном дворе. Таким монетным двором, есте-

³¹ Г. А. Пугаченкова, Кориoplastика древнего Мерва, «Труды ЮТАКЭ», XI, Ашхабад, 1962, стр. 158.

³² В. А. Мешкерис, Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, табл. VI, 69—71.

³³ С. П. Толстов, По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, рис. 65, 2.

³⁴ Там же, стр. 231, рис. 142.

³⁵ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Оттиски парфянских печатей из Нисы, ВДИ, 1954, № 4, стр. 162, рис. I, 49.

³⁶ Дайе, пытаясь доказать, что Аршакиды часто посылали членов своих семей, особенно наследников престола, в качестве сатрапов, упоминает Вонона, который якобы до своего восшествия на престол был сатрапом Мидии. Это не совсем так. Вонон действительно правил Мидией, но он был одним из претендентов, боровшихся за престол, и в данном случае, конечно, никакое правило не действовало.

³⁷ Newell, The Coinage..., № 733—745, табл. IV, 9—15.

ственно, мог быть только Гекатомпил. Эта гипотеза была принята без возражений В. Тарном³⁸.

Мнение Ньюэлла — Тарна встретило самые резкие возражения Ж. Ле Риде, основывающегося на соображениях, которые можно суммировать следующим образом³⁹: 1. Монетные серии Селевка, относимые к Гекатомпилу, довольно многочисленны, тогда как власть этого царя распространялась на Гекатомпил сравнительно короткое время, так как очень скоро после восшествия на престол Селевка II (246 г. до н. э., по Ле Риде) восстает сатрап Парфии Андрагор (245 г. до н. э.). Поскольку естественно, что сатрап этой провинции чеканит свою монету в столице ее — Гекатомпиле, постольку монетная эмиссия Селевка II на гекатомпильском монетном дворе должна быть чрезвычайно краткой. Второй раз Гекатомпил попал в руки Селевка только во время его восточного похода против Аршака, но в это время он находился в руках Селевка II лишь несколько недель. Таким образом, невероятно, чтобы сравнительно многочисленные серии были выбиты в течение двух таких коротких промежутков времени. 2. Монетные выпуски Селевка II и первые аршакидские монеты должны быть разделены выпусками монет Андрагора. Поскольку монеты Андрагора отличны от тех и других, а в то же время все они должны были выпускаться на одном и том же монетном дворе, то вывод может быть лишь один: между этими сериями Селевка II и первыми аршакидскими монетами нет никакой связи. 3. Соображениям Ньюэлла о технической и стилистической близости этих монет Ж. Ле Риде решительно противопоставляет следующее наблюдение: если в монетах Селевка II соотношение осей аверса и реверса строго не фиксируется, то в аршакидских монетах первой серии соотношение осей всегда — 12⁴⁰.

Рассмотрим эту аргументацию Ле Риде. Действительно ли его соображения заставляют думать, что не было генетической связи между монетами Селевка II и первыми аршакидскими выпусками?

Прежде всего, поход Селевка II против парфян нельзя считать каким-то очень коротким предпрятием. Известно, что первоначально селевкидские войска нанесли поражение Аршаку и он был вынужден скрываться у апасиаков (Strabo, XI, 8, 8). Племена апасиаков находились под некоторым контролем Хорезма и располагались на его периферии⁴¹, следовательно, Аршак был вынужден отступить в пустыню. Надо учитывать, что Гекатомпил находился к югу от Копет-дага, поэтому путь от Гекатомпила через Копет-даг и Кара-кумы к апасиакам и возвращение оттуда после ухода основных сил Селевка II, вызванного обострением положения на Западе, отнюдь не мог длиться короткое время. Это заставляет нас сделать предположение, что обладание Гекатомпилом в этот период не было столь коротким, как это предполагает Ж. Ле Риде. Кроме того, необходимо иметь в виду и следующее. Согласно Диодору, Гекатомпил во время похода Александра Македонского не входил в состав Парфии, он находился на территории Гиркании (Diod., XVII, 75). И в позднейшей традиции как столица Парфии он упоминается только в связи с политическими событиями эпохи Аршакидов. Как мы знаем, Аршак I захватил Гирканию перед походом Селевка II (Just., XLI, 4, 8). Но, с другой стороны, нет никаких свидетельств, чтобы правитель Парфии Андрагор был бы одновременно и

³⁸ В рецензии на книгу Ньюэлла: JHS, 59, 1939, стр. 322.

³⁹ Le Rider, ук. соч., стр. 313 сл.

⁴⁰ Соотношения осей, следуя примеру К. В. Голенко (см. «Фанталовский клад боспорских дидахов I в. до н. э.», ВДИ, 1965, № 4, стр. 155), мы указываем по часовому циферблату.

⁴¹ «История таджикского народа», под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, I, М., 1963, стр. 299.

правителем Гиркании. Отсюда, естественно, возникает вывод, что в рассматриваемое время Андратор правил в Парфии, в состав которой тогда не входила Гиркания и, следовательно, город Гекатомпил. После отпадения Андратора власть Селевкидов в Гиркании сохранялась, и там, видимо, продолжали чеканиться монеты Селевка II. Андратор же, надо думать, чеканил свои монеты на каком-то другом монетном дворе. Это предположение кажется тем более справедливым, что Юстин самым решительным образом разделяет два события: 1) захват Парфии Аршаком и убийство ее правителя Андратора и 2) последующее завоевание парфянами Гиркании. Этого бы не было, если бы Андратор был одновременно и правителем Гиркании. И только в дальнейшем, когда Парфия и Гиркания объединились под властью Аршака и Гекатомпил стал его столицей, этот город стал рассматриваться в исторической традиции как парфянский. Таким образом, мы видим, что два первых возражения Ж. Ле Рида снимаются, ибо ясно, что селевкидское владычество в Гекатомпиле не было столь коротким, как это казалось Ж. Ле Рида, и Андратор отнюдь не мог чеканить свои монеты на этом монетном дворе. Остается третье возражение. Однако оно также вряд ли очень серьезно, поскольку наряду с основной массой монет раннеаршакидской серии, у которых фиксировано расположение осей в положении 12, есть целый ряд монет, у которых отклонение доходит почти до 90°, а также экземпляры с обратным расположением осей. В частности, подобный экземпляр имеется в коллекции ГМИИ (см. Приложение, № 11).

Итак, можно утверждать, что возражения Ж. Ле Рида против мнения Ньюэлла не обладают серьезной доказательной силой.

Рассмотрев возражения противников ранней датировки изучаемой нами серии, мы вынуждены констатировать, что они искусственны и первоначальное отнесение этих монет к первым парфянским царям справедливо.

Остается, однако, еще одна значительная трудность — распределение этой серии по времени и отнесение отдельных выпусков к тем или иным правителям. Сложности тем более возрастают, что до сего времени нет никакого согласия между исследователями относительно многих вопросов возникновения парфянского государства, начиная с такого, как вопрос о дате его возникновения. Перечислим здесь только важнейшие из последних точек зрения на ход развития раннепарфянской истории.

Согласно М. М. Дьяконову⁴², в 80-х гг. III в. до н. э. парнские племена, входившие до того в дахскую конфедерацию племен, начинают мигрировать в сторону Каспия, сталкиваясь при этом с Селевкидами в Маргиане и Арее. Второе вторжение парнов в селевкидские владения происходит около 250 г. до н. э. В 245 г. до н. э. селевкидский сатрап Парфии Андратор провозгласил свою независимость. Вслед за ним восстал и сатрап Бактрии Диодот (239 г. до н. э.). Воспользовавшись этими смутными временами, парны вторглись в Нисею, расположенную в долине Атрека и ставшую впоследствии парфянской провинцией Аставеной. Здесь в 247 г. до н. э. парны провозгласили Аршака своим царем. В 239 г. до н. э. парны вторглись в Парфию, разгромили Андратора и захватили эту область, которая была населена парфянами, родственными парнам; в 235 г. до н. э. Аршак завоевал Гирканию. В 232—231 гг. до н. э. Селевк II предпринял поход против отложившихся восточных сатрапий. Поход этот был мало удачен из-за начавшихся на западе Селевкидского царства новых осложнений. Аршак I умер около 217 г. до н. э. Ему наследовал Артабан I (?). В 211 г. до н. э. начался поход Антиоха III, приведший к захвату столицы парфян Гекатомпила и поражению парфян, после чего был заключен мир, по которому парфянский царь потерял часть владений и вынужден был при-

⁴² М. М. Дьяконов, Очерк истории древнего Ирана, М., 1961, стр. 180 сл.

знать верховную власть Селевкидов. Следующим парфянским царем был Фриапатий, правивший 15 лет, ему наследовали сыновья: сначала Фраат I, воевавший с горцами Эльбурса, а затем Митридат I, положивший начало парфянскому могуществу.

Несколько иная схема событий у М. Е. Массона⁴³. Он отдает предпочтение версии Арриана, писавшего не об одном Аршаке, а о двух братьях — предводителях парнов — Аршаке и Тиридате, причем Аршак погиб в борьбе, и реальным основателем парфянского царства стал Тиридат. Поход Селевка II М. Е. Массон датирует 237 годом до н. э. В изложении дальнейших событий М. Е. Массон близок М. М. Дьяконову.

Еще одну трактовку этих вопросов дает А. Г. Бокщанин⁴⁴. Недовольство в Парфии, как он считает, начинается около 256 г. до н. э. В 246 г. до н. э. из-за неблагоприятных для Селевкидов событий на Западе в восточных сатрапиях возникают волнения, заставившие греческих наместников северо-восточных сатрапий консолидировать свои силы. В этом году Диодот объявляет себя царем, его примеру следует и Андрагор. Однако в Парфии события принимают иной оборот, нежели в Бактрии, поскольку в игру вступают племена парнов, возглавляемые Аршаком и Тиридатом. А. Г. Бокщанин, так же как и М. Е. Массон, следует Арриану в трактовке вопроса о личности основателя парфянского царства. Вторжение Селевка II в Парфию А. Г. Бокщанин датирует 238—237 гг. до н. э. Наследником Тиридата I он также считает Артабана I. Но в его изложении дальнейших событий мы находим внутренние противоречия: так, датируя царствование Артабана I 211—191 гг. до н. э., он говорит, что вслед за ним царствует четвертый царь этой династии Приапат (стр. 224), но вскоре после этого пишет, что пятый царь Аршакид — Фраат I — властвовал в 191—171 гг. до н. э. (стр. 238), чем совершенно не оставляет времени для Приапата.

Не приводя других мнений, отметим только, что и для остальных историков характерны такие же расхождения в самых решающих вопросах политической истории ранней Парфии, вплоть до различного числа первых царей (до эпохи Митридата I). Эти расхождения, с точки зрения нашего исследования, могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся те, которые важны для нас и рассмотрение которых для нас обязательно. Это в первую очередь вопрос о числе царей Парфии до Митридата I, ибо без решения его мы не сможем произвести правильную атрибуцию монетных серий. Вторая группа расхождений — вопросы абсолютной хронологии тех или иных событий (например возникновения парфянского государства)⁴⁵ — для нас менее важна, поскольку на монетах рассматриваемой группы нет дат, а следовательно, нет и возможности с абсолютной точностью распределить их во времени; кроме того, зачастую расхождения в датировке тех или иных событий невелики. Для нас важно в данном случае восстановление основных исторических событий, их последовательность, а не абсолютно точные датировки.

В этом отношении нам представляются весьма плодотворными исследования И. Вольского, показавшего историческую ценность традиции Юстина и Страбона и легендарность традиции Арриана, Синкелла, Зосима⁴⁶. Если мы примем этот вывод, как нам кажется, весьма обоснованный, то

⁴³ М. Е. М а с с о н, Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского царства, «Труды ЮТАКЭ», V, Ашхабад, 1955, стр. 8 сл.

⁴⁴ А. Г. Б о к щ а н и н, Парфия и Рим, М., 1960, стр. 173 сл.

⁴⁵ См., например, М. Е. М а с с о н, К вопросу о времени возникновения парфянского государства, «Известия АН ТуркмССР, серия общ. наук», № 5, 1962, стр. 3 сл.

⁴⁶ W o l s k i, L'effondrement..., стр. 18.

ранняя история Парфии освободится от очень многих противоречий, ибо в рассказе Юстина (Помпея Трога) перед нами предстает стройный, хотя и очень краткий рассказ о возникновении и первых годах существования Парфянского царства. Все эти противоречия — только результат попыток примирить эту достоверную традицию с другой, легендарной.

Следуя Юстину (XLI сл.), мы получим такую картину возникновения и раннего развития парфянского государства ⁴⁷: во время царствования Селевка II от него отложились правители восточных сатрапий — Диодот в Бактрии и Андрагор в Парфии. Во главе группы кочевников Аршак вторгается в Парфию. Разбив Андрагора и убив его, Аршак захватывает власть над парфянским народом. Спустя небольшое время он захватывает и Гирканское царство. Вскоре ему приходится столкнуться с войсками Селевка II, стремившегося вернуть восточные сатрапии. Победа в конце концов оказывается на стороне Аршака. Этот день парфянами торжественно празднуется, как день, положивший начало их свободе. Умер Аршак в глубокой старости. Память о нем парфяне чтят таким образом, что все парфянские цари носят имя Аршака. Его сын и преемник, тоже Аршак, сражался против Антиоха III. В результате этой борьбы он стал союзником Антиоха. Третьим парфянским царем был Фриаптий, царствование которого продолжалось 15 лет. Наследовал ему старший из двух сыновей Фраат, покоривший могущественное царство Мардов. Умирая, он назначил своим преемником не кого-нибудь из сыновей, а своего младшего брата Митридата, человека исключительной доблести.

Итак, перед нами очень краткое изложение самого первого периода существования парфянского государства ⁴⁸. На основании этого описания и некоторых других источников можно выделить некоторые важнейшие моменты, которые, как нам представляется, нашли свое отражение и в раннепарфянском монетном чекане.

Прежде всего, данные Юстина не оставляют сомнения, что основателем парфянского царства был действительно Аршак, а не легендарный Тиридат. Далее достаточно отчетливо устанавливается, что Аршак первоначально не носил царского титула, а принял его лишь в период борьбы с Селевком II. Прямые указания на это есть у Юстина. Говоря о столкновении с Селевком II, Юстин вслед за этим сообщает: *Sic Arsaces quaesito simul constitutoque regno* «Таким образом Аршак добился царской власти и создал свое царство» (XLI, 5, 5) ⁴⁹. Очень вески соображения Бикерма-

⁴⁷ Вопрос о достоверности тех или иных сообщений Юстина должен каждый раз решаться специально. Однако в отношении данного места, пожалуй, нет серьезных расхождений в его ценности — см. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*², Cambr., 1951; F. Altheim, *Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter*, I, Halle, 1947, стр. 2 сл.; С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 233; К. К. Зельин, *Помпей Трог и его произведение «Historiae Philippicae»*, ВДИ, 1954, № 2, стр. 190 сл.

⁴⁸ Особенно важен для нас вывод об историчности Аршака I и соответственно легендарности Тиридата (см. J. Wolski, *L'historicité d'Arsace I*, «Historia», VIII, 1959, № 2, стр. 222 сл.). Этот вывод нашел свое подтверждение в данных нисийского архива. См. И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э.*, ВДИ, 1960, № 2, стр. 21. Также несомненно, что Аршак II не носил имени Артабана, поскольку у Юстина прямо говорится, что его собственное имя было Аршак, а путаница происходит из-за того, что при сокращении труда Помпейской и армянской истории (см. J. Wolski, *Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides*, «Historia», XI, 1962, № 2, стр. 138—145). Вопрос об историчности Фриапатья, решавшийся отрицательно некоторыми исследователями (см. например, Массон, *Народы и области...*, стр. 11), ныне тоже надо решать положительно, поскольку данные нисийского архива подтверждают его существование. См. И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, *Документы из Нисы I в. до н. э.*, М., 1960, стр. 20.

⁴⁹ Именно так трактуется это место и в «Истории таджикского народа», I, стр. 290 сл.

на ⁵⁰, рассматривавшего характер принятия титула βασιλεύς в раннеэллинистическое время. Этот титул выражал идею полного суверенитета, полученного в результате военной победы над прежним владыкой. В раннеэллинистическую эпоху титул βασιλεύς самым тесным образом связан с обладанием военной силой, которая приносит эту победу, βασιλεύς — это в первую очередь главнокомандующий армией, сражающийся во главе ее, рискующий своей жизнью рядом со своими солдатами ⁵¹. Это хорошо подтверждается многими историческими источниками. Для примера сошлемся только на Плутархову биографию Деметрия, где говорится, что Антигон и Деметрий были провозглашены царями после победы над Птолемеем у Кипра (Plut., Demetr. XVIII). Поэтому Бикерман считает возможным утверждать, что и Аршак был провозглашен царем после победы над войсками Селевка II. Подтверждение этому можно видеть не только в вышеупомянутом месте Юстина, но и в сообщении Исидора Харакского о провозглашении царем Аршака в городе Асааке (Астауэна): πόλις δὲ Ἀσαάκ ἐν ἡ Ἀρσάκης πρῶτος βασιλεὺς ἀπεδείχθη (Isid. Char., Mans. Parth. 14). Астауэна, согласно Исидору Харакскому, находилась между Парфиеной и Гирканией. Исходя из свидетельства Птолемея (VI, 9), Бикерман (вслед за Тарном) ⁵² полагал, что Астауэна входила в состав селевкидской сатрапии Гиркании, а потому считал, что принятие Аршаком царского титула произошло не в момент вторжения в Парфиэну и не в момент свержения Андрагора, но гораздо позднее, во всяком случае не ранее завоевания Гиркании, а вероятнее всего, как мы уже показали выше, в момент отражения нашествия Селевка II.

Таким образом, Бикерман, с нашей точки зрения, вполне справедливо полагал, что именно эти события позволяют найти первый момент смены легенд на парфянских монетах первой серии. Можно действительно считать весьма вероятным, что после свержения Андрагора Аршак начал чеканить монету с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ, подражая в этом отношении легендам своего предшественника Андрагора, которые также не имели никакого титула, а лишь имя сатрапа в род. падеже — ΑΝΔΡΑΓΟΡΟΥ, и только после завоевания Гиркании и победы над Селевком II Аршак принимает царский титул, отражением чего являются монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ, ΑΡΣΑΚΟΥ. Следовательно, мы имеем уже некоторые опорные точки для классификации монет рассматриваемой серии.

Однако данные, почерпнутые из письменных источников, позволяют найти еще и некоторые другие моменты, важные для атрибуции этой группы монет. Особое внимание привлекает монета с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ.

Таких монет известно очень немного. Одна из них хранится в Нью-Йорке ⁵³, другая в Лондоне ⁵⁴. Третьим экземпляром, надо полагать, яв-

⁵⁰ Bickerman, Notes..., стр. 73—83.

⁵¹ Bickerman, Institutions des Séleucides, стр. 11 сл. Надо также иметь в виду, что эта греческая система взглядов на происхождение власти царя имела точки соприкосновения с иранской. Достаточно вспомнить, например, изображение полуснахождения власти царем из рук божества на ритоне из кургана Карагодеуашх, где вся сцена происходит на поле боя и под конями царя и бога лежат поверженные враги. См. М. И. Ростовцев, Представления о царской власти в Скифии и на Боспоре, ИАР, 49, СПб., 1911; W. Blawatsky, G. Kochelenko, La culte de Mithra sur la côte Septentrionale de la Mer Noire, Leiden, 1966, стр. 6 сл., рис. 1. Подобные сцены распространены и в сасанидском искусстве. См. R. Ghirshman, Arte persiana. Parti e Sassanidi, Milano, 1962, табл. 132, 202, 233.

⁵² Tarn, The Greeks..., стр. 3 и 232; Bickerman, Notes..., стр. 81, прим.

⁵³ E. T. Newell, The Coinage of the Parthian, «Survey of Persian Art», I, L.—N. Y., 1938, табл. 140, C; Le Rider, ук. соч., стр. 319, табл. LXX, 1.

⁵⁴ Le Rider, ук. соч., стр. 319, табл. LXX, 2.

ляется № 9 нашего списка (хранится в Государственном историческом музее, см. Приложение). Первая буква в слове ΘΕΟΥ очень плохо читается, но остальные три буквы видны отчетливо. Вся легенда выполнена очень неграмотно, в частности, в слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ отсутствует Λ, в слове ΑΡΣΑΚΟΥ сигма изображена наоборот.

В появлении титула ΘΕΟΣ на парфянских монетах нет ничего странного. Аммиан Марцеллин (XXIII, 6, 4—5) сообщает, что парфянские цари обожествлялись, они считались братьями солнца и луны. Поскольку сказанное относится ко всем царям, на первый взгляд эта монета может быть отнесена к любому из четырех первых царей, при которых выпускались монеты с изображением головы царя в скифском головном уборе. И все-таки, как нам кажется, есть возможность более точно датировать этот выпуск. В сообщении Исидора Харакского о коронации Аршака в Асааке вторая фраза гласит *καὶ φυλάττεται ἐν θάῳδα πῦρ ἀθάνατον* «и здесь сохраняется вечный огонь» (Mans. Parth. II). Отсюда можно сделать вывод, что в этом городе существовал храм огня. Как известно, храмы огня играли большую роль в религиозной практике зороастризма⁵⁵. Однако существенно, что этот вечный огонь в храме поставлен Исидором Харакским в связь с провозглашением Аршака царем. Это сразу же наводит на известную зороастрийскую практику, засвидетельствованную в сасанидское время, когда каждому царю посвящался особый храм огня⁵⁶. Видимо, именно в таком храме огня, возженного в честь восшествия на престол царя Аршака, сохранялся этот *πῦρ ἀθάνατον* в городе Асааке⁵⁷. Тем самым царь Аршак приравнивался к божеству. В дальнейшем этот огонь, очевидно, стал династийной святыней, хранящейся в храме, посвященном обожествленному основателю династии Аршакидов. Подобные храмы, в которых объединялось почитание огня и династии, зафиксированы в нескольких местах. Таким храмом был, например, так называемый «квадратный зал» в Старой Нисе⁵⁸, поскольку он находился при могилах парфянских царей. Известны они и в Кушанском царстве, где к этому типу относится известное святилище в Сурх-Котале⁵⁹.

Как известно, празднование провозглашения Аршака царем, означавшего одновременно и провозглашение независимости Парфии (Just., XLI, 4, 9), стало традиционным в Парфии. Это празднование сопровождалось возжением вечного огня в честь царя Аршака, что означало и провозглашение его богом⁶⁰. Будет вполне естественным предположить, что монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ были выпущены в ознаменова-

⁵⁵ K. Erdmann, *Das Iranische Feuerheiligtum*, Lpz, 1941; J. Duchesne-Guillemin, *La religion de l'Iran ancien*, P., 1962, стр. 77 сл.; A. Godard, *Les monuments du feu*, «Athar-e-Iran», III, 1938, стр. 7 сл.

⁵⁶ D. Schlumberger, *The Excavations at Surkh-Kotal and the Problem of Hellenism in Bactria and India*, «Proceed. of the British Academy», XLVII, 1961, стр. 88.

⁵⁷ На существование прижизненного культа обожествленных царей указывает сообщение об имени, выделенном на поддержание культа Готарза еще при его жизни. Это сообщение очень смутило И. М. Дьяконова, полагавшего, что существовал только заупокойный культ. См. Дьяконов, Лившиц, *Документы...*, стр. 21.

⁵⁸ Г. А. Кошелев, *Культура Парфии*, М., 1966, стр. 22; он же, *Греческая надпись на парфянском ритоне*, ВДИ, 1966, № 2, стр. 161 сл.

⁵⁹ Schlumberger, *ук. соч.*, стр. 88.

⁶⁰ В этой связи очень интересно свидетельство Аммиана Марцеллина (XXIII, 6, 34), который также связывает негасимый огонь с царской властью, — *Feruntque (si iustum est credi), etiam ignem caelitus lapsum apud se sempiternis focolis custodiri, cuius portionem exigam (ut faustum) praeisse quondam Asiaticis regibus dicunt* «Рассказывают, — если только можно этому верить, — что маги хранят у себя на никогда не погасавших очагах упавший с неба огонь, маленькая частичка которого, как приносящая благополучие, была некогда предносима, как говорят, азиатским царям» (перевод Ю. Кулаковского и А. Сонни — Аммиан Марцеллин, *История*, вып. 2, Киев, 1907).

ние этого события или несколько позднее. Это тем более вероятно, что монеты с легендами ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ и ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ составляют значительное меньшинство среди монет этой группы. Основная масса представлена монетами с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ. Можно считать весьма вескими основания Ле Ри-де, который считает, что монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ предшествуют монетам с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ⁶¹.

Таким образом, соотношение числа монет подтверждает наше предположение, что монеты с легендами ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ и ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ относятся к различным периодам царствования Аршака I, а монеты с легендами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ и ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ, ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ относятся к последующим трем царствованиям.

Остаются еще монеты с легендами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ и ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ. Вопрос об их атрибуции гораздо сложнее. Как мы уже отмечали выше, ныне доказано, что монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ более поздние, нежели монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ. Тем самым у нас есть *terminus post quem* для них. Естественнее всего полагать, что монеты с легендой, где употребляется термин ΜΕΓΑΛΟΥ, должны относиться к тем трем царям, которые царствовали после Аршака I. Для попыток разделить их между этими тремя царями отправным пунктом может послужить драхма с термином ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ. Поскольку мы считаем, что монеты с термином ΘΕΟΥ относятся к царствованию Аршака I, можно полагать, что к царствованию его сына Аршака II относится этот выпуск со столь показательной в этом отношении легендой, включающей термин ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ, хотя, конечно, в этом нельзя быть безусловно уверенным.

Более перспективным представляется другой путь: попытаться выделить отдельные группы внутри монет с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ и найти какие-то признаки, которые бы позволили говорить о том, что та или иная из выделенных нами малых групп более или менее тесно связана с выявленным нами чеканом Аршака I и тем самым более или менее близка ему хронологически.

Для этого следует обратить внимание на то, что отделяет большую часть чекана Аршака от чекана его преемников. У монет с легендами 'Αρσάκου и βασιλέως 'Αρσάκου слово, находящееся слева от изображения Аршака (в первом случае это 'Αρσάκου, во втором — βασιλέως), написано всегда сверху вниз, как на монетах Селевкидов (в частности, Селевка II), в то же время у монет с легендой βασιλέως θεού 'Αρσάκου и βασιλέως μέγαλου 'Αρσάκου первое слово легенды читается снизу вверх. Тем самым подтверждается наш вывод о том, что монеты с легендами 'Αρσάκου и βασιλέως 'Αρσάκου наиболее ранние, имеющие более всего черт, сближающих их с селевкидским чеканом (Селевка II). В то же время становится заметным и то, что выпуск с легендой βασιλέως θεού 'Αρσάκου, как имеющий наибольшее сходство с последующими монетами, должен относиться к концу царствования Аршака I.

Необходимо обратить внимание еще на одну группу, в которую входят монеты № 19 и 2 нашего списка и монета I, 6 В. Роса. Все они достаточно сильно выделяются из общей массы остальных монет с этой легендой. Для этих монет характерно изображение с более низкой шапкой, чем на остальных. На реверсе хорошо заметны добавочные знаки, которые отсут-

⁶¹ Le Rider, ук. соч., стр. 316.

ствуют у всех остальных монет с этой легендой. Слева у всех трех монет буква Θ, справа монограмма, более отчетливо видная на монете 2 и гораздо хуже на монетах 19 и I, 6. Кроме того, у монеты 2 есть еще одна монограмма ниже омфала; может быть, она была и на штемпеле, которым выбиты две другие монеты, но, поскольку там место омфала оказалось на самом краю монетного кружка, она не попала на изображение. Можно думать, что реверсы монет 19 и I, 6 выбиты одним штемпелем. Таким образом, перед нами компактная группа из трех монет, имеющая три штемпеля аверса и два штемпеля оборотной стороны. Хронологически ее, видимо, можно поместить в самое начало группы монет с легендой βασιλέως Μεγάλου Ἀρσάκου, поскольку у всех этих монет есть одна особенность, сближающая их с монетами типа Ἀρσάκου и βασιλέως Ἀρσάκου и не встречающаяся больше у монет с типом легенды βασιλέως Μεγάλου Ἀρσάκου, — у всех этих монет на аверсе лук приходится между Ρ и Σ, а не Σ и Α.

К сожалению, дальнейшие исследования в этом плане в настоящее время вряд ли принесут положительные результаты. Можно попытаться выделить несколько групп монет, битых одними и теми же штемпелями, но установить их хронологию, относительную или абсолютную, не представляется нам возможным.

Так, можно отметить, что аверсы монет 3 и 17 биты одним штемпелем; другой штемпель использовался для лицевой стороны монет 16 и 11; следующая группа, которая выделяется на этом основании, — это монеты № 18 и 5 нашего списка и I, 9 по Росу: у монет 5 и 18 один и тот же штемпель аверса, а у монет 15 и I, 9 один и тот же штемпель реверса. Наиболее же многочисленная группа монет состоит из № 15, 12, 13; I, 11 и 21. Все эти монеты абсолютно идентичны — биты теми же штемпелями обеих сторон, различие лишь в степени потертости.

Таким образом, есть значительные основания считать, что группа монет с изображением безбородой головы в кочевническом головном уборе действительно стоит в самом начале парфянской эмиссии. По-видимому, к различным периодам царствования Аршака I относятся монеты с легендами ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ. К царствованию Аршака II относятся монеты с легендами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ, у которых лук приходится между буквами Ρ и Σ, и монограммами на реверсе. К этому же царствованию можно, видимо, отнести и монеты с легендами ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ; остальные монеты с легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ относятся к царствованию Фриапата и Фраата I, разделить их не представляется в настоящее время возможным. Нельзя также исключить и предположение, что какая-то часть этих монет может относиться и к концу царствования Аршака II. Остается еще уникальная монета с легендой ΑΡΣΑΚΟΥ ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ и выпуски бронзы, но невозможность исследовать эти моменты de visu заставляет нас отказаться от попыток решить этот вопрос в настоящее время.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЕРЕБРЯНЫЕ ДРАХМЫ НАЧАЛЬНОГО АРШАКИДСКОГО ЧЕКАНА В СОБРАНИЯХ ГМИИ И ГИМ (№ 1—13 ГМИИ, № 14—22 ГИМ)

№	Описание лицевой стороны	Описание оборотной стороны	Вес	Соотношение осей	Примечание
1	Голова царя влево, шлем кочевнического типа, сзади две ленты, ободок из точек	Аршак на омфале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ	3,58	11	
2	Голова царя влево, шлем кочевнического типа, обвитый лентой, на которой заметны украшения, концы ленты выпадают сзади. Ободок из точек	Аршак на омфале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ Три монограммы: 	3,85	6	
3	Голова царя влево, шлем кочевнического типа, сзади две ленты, ободка нет	Аршак на омфале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ Под омфалом и ногами полоса	4,05	12	
4	Как № 3	Как № 3	3,80	1	
5	Как № 3	Как № 3	2,96	12	Штемпель аверса поврежден, в монете пробито отверстие
6	Как № 3	Как № 3	3,78	12	Буквы и изображение лука несколько сбиты
7	Как № 3	Как № 3	3,69	12	
8	Как № 3	Как № 3	3,99	2	
9	Как № 1	Как № 3	3,56	12	
10	Как № 3	Как № 3	4,01	12	
11	Как № 1	Аршак на омфале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ Под омфалом и ногами двойная полоса	3,54	12	Сбито изображение лица на аверсе

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

№	Описание лицевой стороны	Описание оборотной стороны	Вес	Соотношение осей	Примечание
12	Как № 1	Аршак на оффале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ	3,88	12	
13	Как № 1	Рядом с буквами Κ и Ο значок { Как № 3	3,68	12	
14	Как № 1	Как № 1	4,48	12	
15	Как № 1	Как № 12	3,78	1	
16	Как № 1	Как № 1	3,83	1	
17	Как № 1	Как № 3	3,77	1	
18	Как № 1	Как № 1	4,66	12	
19	Как № 1	Аршак на оффале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ Монограмма Θ	3,64	11	
20	Как № 3	Как № 3	3,61	12	Монета пробита
21	Как № 3	Как № 1	3,71	1	
22	Как № 3	Аршак на оффале вправо, одна рука вытянута, в ней лук. Легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ	4,20	1	Исполнение грубое, легенда неграмотная

PROBLEMS OF EARLY PARTHIAN HISTORY

by G. A. Koshelenko

In the author's opinion many problems of early Parthian history can be solved only by bringing the numismatic evidence to bear on the historical tradition. From collections in the Historical Museum and the Pushkin Museum of Fine Arts the author publishes a series of Arsacid coins on the obverse of which is represented a king's head in a Scythian cap, and argues that this is a very early series, minted in the reigns of the first four kings of the Arsacid dynasty.

Combining the numismatic evidence with the testimony of ancient literary sources, the author concludes that the coins in this series bearing the legends ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ, ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ, belong to various periods in the reign of Arsaces I; to the reign of Arsaces II he assigns the coins with the legend ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΤΑΛΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ, on the reverse of which, between the letters P and Σ, appears the representation of a bow. Coins with the legend ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΤΑΛΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ ΘΕΟΠΑΤΟΡΟΣ should probably be assigned to the same reign. The remaining coins of the series, bearing the legend ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΕΤΑΛΛΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ, belong to the reigns of Priapatius and Phraates; at the present time it does not seem possible to assign these coins more particularly to one or the other king.

The issues of Arsaces I are particularly important for the history of Parthia. The successive changes in the royal title appearing on these coins reflect different stages in the early evolution of the Parthian state: coins with the legend ΑΡΣΑΚΟΥ were issued at the beginning of the revolt against the Seleucids; those with the legend ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΡΣΑΚΟΥ followed victory over the Seleucids and the assumption by Arsaces of the royal title; the appearance of the legend ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΕΟΥ ΑΡΣΑΚΟΥ marks the deification of Arsaces.
